

Я и Чэн Янь с трудом пробрались в дальний угол. Увидев, что я задыхаюсь от едкого дыма, он нахмурился, и его лицо исказилось от беспокойства.

Вдруг его глаза блеснули — он заметил впереди чан с водой и, не раздумывая, потянулся к поясу, чтобы снять верхнюю одежду.

Заметив это, я поспешно схватил его за руку:

— Ты что задумал?

— Разорву одежду, намочу её и прикрою рот и нос, чтобы не надышаться гарью, — ответил он, продолжая расстегивать халат.

— Нет, нет, постой! На тебе дорогой шелк, как можно его портить? Давай лучше мою!

Я, не колеблясь, сбросил с себя верхнюю одежду, с силой разорвал её на две части и протянул ему:

— Моя из грубой ткани, её не жалко.

Чэн Янь смотрел на куски материи в своих руках, и тепло разлилось у него в груди — он был глубоко тронут. Он торопливо смочил ткань водой и прижал её к лицу. Вскоре мы нашли укромное место, где не было открытого огня, и спрятались там.

Видя, что я остался в одном исподнем и дрожу от холода, он не выдержал, снял свою верхнюю одежду и бережно накинул мне на плечи. Мы прижались друг к другу, пытаясь согреться. В этот критический момент, когда решалась наша судьба, мы поддерживали друг друга и вместе пережили эту долгую и мучительную ночь.

Наутро пожар наконец потушили. Ворота Экзаменационного двора медленно отворились, и мы с Чэн Янем, черные от копоти, шатаясь, выбрались наружу. На наших лицах читалась не только смертельная усталость, но и радость выживших. Пожар во время экзаменов оказался чудовищным: более девяноста кандидатов погибли, почти все экзаменационные работы сгорели дотла. Министерство обрядов было вынуждено отменить экзамен и перенести его на август.

В душе моей теснились противоречивые чувства: с одной стороны, я корил судьбу за то, что мне пришлось пережить такой кошмар, с другой — благодарил небо за то, что в смертельный час я был не один и смог выжить вместе с Чэн Янем. Его забота обо мне в те страшные минуты глубоко тронула моё сердце, и я дал себе слово, что мы останемся верными друзьями на всю жизнь.

Из-за пережитого пожара мой результат на пересдаче в августе оказался не лучшим — я занял лишь сто восемьдесят пятое место. Дворцовый экзамен перенесли на март следующего года. Его еще называют Тинши, и на нем предлагается всего одна тема для эссе. Писать сочинения всегда было моим коньком, поэтому во дворце я держался спокойно и уверенно. Увидев тему, я почувствовал, как мысли хлынули потоком, и перо само потянулось к бумаге. Я тут же окунул кисть в тушь и, не мешкая, вывел изящный текст в стиле официальной канцелярии.

Три дня спустя я наконец увидел свое имя в Золотом списке, заняв первое место во второй

категории, и стал выпускником дворцового экзамена. По рекомендации Министерства обрядов я, Лю Ся и Чэнь Инь успешно прошли отбор и наконец получили желанное место стажеров в Академии Ханьлинь. Оставалось лишь пройти экзамен через два года, чтобы получить постоянную должность и исполнить свою мечту — проявить себя на службе в Академии.

Однако Чэн Янь не явился ни на пересдачу, ни на дворцовый экзамен. Его нигде не было видно, и я, терзаясь догадками, отправился к нему домой. То, что я увидел, заставило меня замереть на месте.

На воротах его особняка висели красные шелковые фонари с изящными золотыми узорами двойного счастья, которые покачивались на ветру, словно возвещая о великой радости. По бокам ворот красовались яркие парные надписи, и всё вокруг дышало праздником. Войдя во двор, я увидел, что всё украшено лентами и цветами, а в воздухе разлито предчувствие удачи. Над входом в главный зал висела массивная доска с каллиграфической надписью, сделанной рукой самого Гу Сяня: Небесное благословение. Мощные, размашистые иероглифы придавали дому особую торжественность.

Оказалось, он женился! Но как? Такое событие — и ни единого слова мне! А я-то считал его своим ближайшим другом, неужели он не доверял мне как брату?

— Чанъань! — раздался звонкий голос Чэн Яня.

Я обернулся и увидел его в нарядном даосском халате, золотые нити которого ослепительно сверкали на солнце. Жених, что тут скажешь, выглядел сияющим. Он с улыбкой зашагал мне навстречу:

— Как ты здесь оказался?

— Еще спрашиваешь? Свадьба — дело государственной важности, а ты скрыл от меня всё до последнего, ни словечка не обмолвился! — я скрестил руки на груди, изображая крайнее возмущение.

Увидев мой сердитый вид, он виновато улыбнулся и поспешил объясниться:

— Прошлой осенью господин Гу тяжело заболел. Его старшая дочь еще не была замужем, и старик очень переживал. Он написал моему отцу, умоляя меня как можно скорее жениться на Гу Ин, чтобы это радостное событие помогло ему поправиться. Против воли отца не пойдешь, пришлось согласиться. Всё было так спешно, что я совсем выбился из сил. Знал, что ты занят подготовкой к экзаменам, вот и не хотел отвлекать. Не сердись, виноват я. Раз уж ты пришел, считай, что всё успел — свадьба почти отгремела, теперь у меня есть время уделить тебе внимание. Оставайся на обед, выпью три чаши вина в качестве извинения.

Чэн Янь одарил меня широкой улыбкой.

— Думаешь, тремя чашами отделаешься? Не так-то просто! Я ведь даже твоего свадебного вина не испил! — я надул губы, притворяясь обиженным.

— Ха-ха, не ворчи! Вино для тебя припасено. Идем, идем! Сегодня погуляем как следует! — он увлек меня за собой в гостиную, на ходу крича слугам: — У нас дорогой гость, несите лучшее

вино и накрывайте стол побогаче!

За столом мы обменивались чашами, вели оживленную беседу и были счастливы.

— Ты теперь в Академии Ханьлинь, стал Шуцзиши — наконец-то добился своего, — сказал Чэн Янь.

— Раньше казалось, что государственные экзамены — это неприступная гора, а теперь, когда я её перешел, всё кажется не таким уж страшным. Настоящее испытание — это победить страх перед неизвестностью. Эх, жаль, что ты пропустил экзамен из-за свадьбы.

— Бывает так, что человек оказывается заложником обстоятельств, не всё в этой жизни подвластно нашей воле. Тестю с каждым днем всё хуже, он был так слаб, что это желание стало для него последним. Как его ученик, я просто не мог отказать.

Чэн Янь допил вино, и на его лице отразилась глубокая печаль. Я понимал его: господин Гу, первый министр, всегда ценил его, и этот брак был предопределен давно. Да и свадьба — дело хорошее. Зная, что он теперь муж дочери первого министра, я, как его лучший друг, искренне радовался за него.

<http://bllate.org/book/20746/2079822>